

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА

«НА СМЕРТЬ ПОЭТА»¹

стпх. Лермонтова

*Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твоей правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример!*

- Погиб поэт! невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жаждой мести,
Повикнув гордой головой.
- 5². Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид;
Восстал он против мнений света
Один, как прежде, — и убит!
Убит!.. К чему теперь рыдания,
10. Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы-ль сперва так долго гнали
Его свободный, смелый дар

¹ Стихотворение Лермонтова «На смерть поэта» ходило в 1837 г. по рукам с разными заглавиями. В академическом издании (под редакцией проф. Абрамовича, т. II, стр. 211) оно названо «Смерть поэта», в «Деле о непопозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым» стихотворение именуется «На смерть поэта», но в этом списке есть вообще разногласия с каноническим текстом.

² Цифры обозначают количество стихов.

15. И для потехи радужвали
 Чуть затаившийся пожар?..
 Что-ж? Веселитесь!.. Он мучений
 Последних вынести не мог:
 Угас, как светоч, дивный гений!
20. Увял торжественный венок.
 Его убийца хладнокровно
 Навел удар... спасенья нет!
 Пустое сердце бьется ровно, —
 В руке не дрогнет пистолет.
25. И что за диво?.. Издалека,
 Подобный сотням беглецов,
 На ловлю счастья и чинов
 Заброшен к нам по воле рока,
 Смеясь, он дерзко презирал
30. Земли чужой закон и нравы;
 Не мог щадить он нашей славы,
 Не мог, понять в сей миг кровавый,
 На что он руку поднимал!..
 И он убит, и взят могилой,
35. Как тот певец, неведомый, но милый,
 Добыча ревности глухой,
 Воспетый им с такою чудной силой,
 Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
 Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
40. Вступил он в этот свет, завистливый и душный
 Для сердца вольного и пламенных страстей?
 Зачем он руку дал клеветникам ничтожным?
 Зачем поверил он словам и ласкам ложным, —
 Он, с юных лет постигнувший людей?..
45. И прежний сняв венок, они венец терновый
 Увитый лаврами, одели на него;
 Но иглы тайные сурово
 Явили славное чело..
 Отравлены его последние мгновенья
50. Коварным шопотом насмешливых невежд,
 И умер он с напрасной жаждой мщенья,
 С досадой тайно обманутых надежд..
 Замолкли звуки чудных песен,
 Не раздаваться им опять:
55. Приют певца утрюм и тесен,
 И на устах его печать.

 А вы, надменные потомки
 Известной подлостью прославленных отцов,
 Пятою рабскою поправшие обломки
60. И проку счастья обиженных родов!

- Вы, жадною толпой стоящие у трона,
 Свободы, гения и славы палачи,
 Таитесь вы под сению закона,
 Прад вами суд и правда — все молчи!..
65. Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
 Есть грозный суд: он ждет,
 Он не доступен звону злата,
 И мысли и дела он знает наперед.
 Тогда напрасно вы прибегнете к злословью —
70. Оно вам не поможет вновь,
 И вы не смаете всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь!

Произведение Лермонтова «На смерть поэта», вызванное гибелью Пушкина, поражает энергией своего стиха, силой напряженного чувства. Великая скорбь и великий гнев сливаются в этом стихотворении, не нарушая его внутреннего единства.

К чувству злости у Лермонтова примешивалось и печальное раздумье, мыслящего человека над пустотой, мелочностью, внутренним ничтожеством так называемого высшего общества, в котором автор вращался, над ролью правительства в делах «печальных и кровавых». Гибель Пушкина волнует Лермонтова не только как смерть любимого поэта, но и как преступление самодержавия и придворной клики.

Приводим из книги П. А. Висковатова «М. Ю. Лермонтов, жизнь и творчество» (М., 1891) отрывок, передающий историю создания знаменитой оды-сатиры «На смерть поэта» (гл. XII, стр. 238—251)¹:

«Обстоятельства, приведшие к роковому поединку, к гибели Пушкина, не раз рассматривались в печати. Напомним здесь только, что современное событию общество разделилось на два лагеря: одни обвиняли поэта, другие защищали его. Ходила молва, что Пушкин пал жертвой таинственной интриги из личной вражды, умышленно возбуждившей его ревность. Эта молва, повидимому, была не лишена оснований. Действительно, существовала великосветская интрига.

Юрьев, товарищ и родственник Михаила Юрьевича Лермонтова, рассказывал, что все — несчастное событие и симпатия высшего общества к Дантесу, к которому особенно благоволили великосветские дамы, — все это раздражало юного поэта и так сильно повлияло на Михаила Юрьевича, что он заболел нервным расстройством. Прежде всего Лермонтов дал выход своему негодованию, написав стихотворение на смерть поэта и выставив в нем противника как искателя приключений:

. Издалека,
 Подобно сотням беглецов,
 На ловлю счастья и чинов
 Заброшен к нам по воле рока,

¹ Подробнее о роковой дуэли — у Ш. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», П., 1916, в его же книге «Из жизни и творчества Пушкина». М.—Л., 1931, в особенности стр. 140—149, а также в книге А. С. Полякова «О смерти Пушкина», 1922.

Умы немного утихли, когда разнесся слух¹, что государь желает строгого расследования дела и наказания виновных. Тогда-то эпиграфом к стихам свсвим Лермонтов поставил:

Отмщенье, государь, отмщенье!
 Паду к ногам твоим:
 Будь справедлив и накажи убийцу,
 Чтоб казнь его в позднейшие века
 Твой правый суд потомству возвестила,
 Чтоб видели злодеи в ней пример!

Как известно, Лермонтов написал стихотворение свое на смерть Пушкина сначала без заключительных 16 строк.

Сам поэт, нервно потрясенный, расстроенный, лежал дома. Бабушка послала даже за лейб-медиком Арендтом, у которого лечился весь великосветский Петербург. Он рассказал Михаилу Юрьевичу всю эпопею двух с половиной суток — с 27 по 29 января ст. ст., которые протерпел Пушкин. Погруженный в думу свою, лежал поэт, когда в комнату вошел его родственник... камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин. Он служил тогда в министерстве иностранных дел под начальством Нессельроде и принадлежал к высшему петербургскому кругу. Таким образом, его устами гласила «мудрость» придворных салонов. Он рассказал больному о том, что в них толкуется... Под влиянием этого разговора со Столыпиным Лермонтов написал заключение к стихотворению («А вы, надменные потомки» и дальше) (П. Виссватый, гл. XII).

Уже через три дня после допроса Лермонтова, а затем ареста на гауптвахте участь его была решена. Февраля 27 ст. ст. вышел приказ,

¹ Слух, конечно, совершенно вздорный, потому что настоящим виновником гибели Пушкина был не кто иной, как Николай I. — К. Бархин.

Ксилография худож. П. Я. Павлинова

Дуэль Пушкина с Дантесом

в силу которого «лейб-гвардии гусарского полка корнет Лермонтов переводится в Нижегородский драгунский полк (на Кавказе)».

Возбуждение во многих кругах петербургского общества, вызванное гибелью Пушкина, было настолько сильное, что жандармской полицией были приняты срочные меры против возможных выступлений (речей у гроба), враждебных правительству.

Приводим заключительную часть (статья П. Е. Щеголева «Последнее свидание в 1836 г.» (книга П. Е. Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина», Госуд. из-во худож. лит-ры М.—Л. 1931, стр. 148—149), в которой приводится доклад шефа корпуса жандармов Бенкендорфа Николаю I.

«Начальник III отделения, он же шеф корпуса жандармов ежегодно докладывал царю отчет по своему учреждению в форме «обозрения расположения умов и некоторых частей государственного управления». Такой отчет был представлен Николаю Бенкендорфом и за 1837 год. В нем находим и краткое сообщение о смерти Пушкина, которое дает окончательный взгляд на Пушкина, порывающаяся, так сказать, отношения III отделения и царя, конечно, к поэту. Приведем эту часть отчета, хранящегося в настоящее время в Москве, в архиве внешней политики и революции (л. 61 об. — 62 об.). Ни одна деталь отношений III отделения не должна исчезнуть для потомства.

«В начале сего года умер, от полученной на поединке раны, знаменитый наш стихотворец Пушкин. — Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. — Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных. — Сообразно сими двумя свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; — собрание посетителей при теле было необыкновенное; — отпевание намеревались давать торжественное; — многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; — наконец дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось вырыть лошадей и вести гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было репить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. — В сем недоумении и имея в виду отзывки многих благомыслящих людей, что подобное жак бы народное изъятие скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение призвало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено».

Комментарии к стихотворению

Заглавие. Стихотворение «Смерть поэта» ходило по рукам с 5—6 заглавиями; из них самым распространенным было: «На смерть Пушкина».

1. Эпиграф взят из драмы *Rotrou Venceslas* (акт IV, сцена VI).

Стих 1. «Невольник чести»... Самое выражение «невольник чести» принадлежит Пушкину («Кавказский пленник» ч. I: «Невольник чести» беспощадной...»).

У Тютчева в стихотворении «29-е января 1837 г.» о Пушкине:

. кровью благородной
ты жажду чести утолил.

Стих. 2. Об отношении светских кругов к Пушкину см. в приложенной выше выдержке из статьи Висковатова.

Стих. 5—8, 13—16. Речь идет о травле, которой подвергался Пушкин со стороны великосветского общества.

Стих. 8—12. Ср. со стихами из «Евгения Онегина»:

В тоске сердечных угрызений,
Ручку стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит!», решил сосед.
Убит!.. Сим страшным восклицанием
Сражен, Онегин с содроганием
Отходит...

(Гл. VI, строфа 35)

Стих. 15. В первом наброске было: «Из любопытства», но затем Лермонтов заменил слово «любопытства» более сильным словом «потехи», словом, продиктованным возмущением и негодованием Лермонтова.

Стих 16. Ср. в письме современницы событий Е. Н. Мещерской (дочери Н. М. Карамзина): «Обидные шплетни и... язвительные толчки... вся эта туча стрел, направленных против огненной организации, против честной, гордой и страстной его души произвела такой пожар»¹.

Стих. 21. В первоначальном наброске у Лермонтова было:

Его прогисник хладнокровно...

Стих. 23—24.

Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнет пистолет.

Эти стихи Лермонтова сделались «крылатым словом» и неоднократно приводились в статьях, описывающих гибель великих наших поэтов — Пушкина и Лермонтова. (и автор стих. «На смерть поэта» был убит на дуэли в 1841 г. офицером Мартыновым).

¹ Письмо дочери Карамзина приведено в книге Ю. Я. Грога «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». Спб., 1887, стр. 288—290).

С картины худож. Нердова

Артель Пушкина

Но потом он, в большем соответствии с обстоятельствами этого чудовищного дела, написал: .

Его *убийца* хладнокровно
Навел удар.

Стихи 21—24. Ср. со стихами из «Евгения Онегина»:

. Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно,
Четыре перешли шага, —
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.

(Гл. VI, строфа 30)

Стихи 25—30. Характеристика аристократов-иностранцев, ищущих в России «счастья и чинов», написанная в грибоедовском духе.

Лермонтов здесь высказывает настроение, присущее значительной части русского офицерства, которое с ненавистью смотрело на иностранцев-аристократов, добивавшихся в николаевской России благодаря своим связям всяких чинов и почестей.

В «Дневнике» Пушкина имеется запись (1834 г., 26 января): «Барон д'Антес и маркиз де Пива, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия рождет».

Стихи 29—33 представляют «логическую градацию».

Смеясь, он¹ дерзко презирал земли чужой язык и нравы
(а потому) — не мог щадить он нашей славы (а потому)
не мог понять в сей миг кровавый, на что
он руку поднимал!..

Такое же построение стихов мы видим и в другом стихотворении Лермонтова «Тучи»:

Чужды вам² страсти (а потому) и чужды страданья,
Вечно холодные (а потому), вечно свободные,
Нет у вас родины (а потому), нет вам изгнания.

Лермонтовское стихотворение «На смерть поэта» заключает в себе как бы две речи: трогательную надгробную и прозную обвинительную. Для последней нужен не только элемент эмоциональный, но и строго логические доводы.

¹ Убийца Пушкина

² Тучам.

Дуэль Пушкина

С картины худож *Бореля*

Стихи 29—31. Ср. в письме к дочери Н. Карамзина: «Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению... проходимца, у которого было три отечества...».

После стиха 33 (*На что он руку поднимал*) в черновом наброске шли стихи, зачеркнутые затем Лермонтовым:

Его¹ душа в заботах света
 Ни разу не была согрета
 Восторгом русского поэта,
 Глубоким пламенным стихом.

Стихи 35—38. Владимир Ленский (в романе «Евгений Онегин»).

Стихи 45—48. Ср. со стихами Жуковского в послании «К П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину»:

Зачем он свой сплетать венец
 Давал завистникам с друзьями?
 Пусть дружба нежными перстами
 Из лавров свой венец свила —
 В них зависть тернии вплела!
 И торжествует! Растерзали
 Их иглы славное чело —
 Простым сердцам смертельно зло:
 Певец угаснул от печали

 Потомство грозное отмщенья!

Стих. 57. С этого стиха начинается позднейшая приписка к оде-сатире.

«Приписка» отличается удивительной силой напряженного чувства скорби и гнева.

Это непревзойденный в русской поэзии образец ораторского декламационного стиха.

Поэт-оратор клеймит убийц Пушкина эпитетами, которые Белинский называл «раскаленными»:

*А вы, надменные потомки
 Известной подлостью прославленных отцов,
 Пятою рабскою поправшие обломки
 Игрою счастья обиженных родов!
 Вы, жадною толпой стоящие у трона,
 Свободы, гения и славы палачи...*

и т. д.

¹ Дантеса.

И в предыдущей части эпитеты Лермонтова удивительно сильны и метки. Это — эпитеты-характеристики: они дышат любовью и безутешной скорбью, когда относятся к Пушкину, и ненавистью и презрением, когда говорят об убийцах великого поэта — светских негодах, поставивших Пушкина под пулю Дантеса.

Убит!.. К чему теперь рыданья,
 Пустых позвал ненужный хор
 И жалкий лепет оправданья?..
 Не вы-ль сперва так долго гнали
 Его свободный, смелый дар?..
 Его убийца гладнокровно
 Навел удар... спасенья нет!
 Пустое сердце бьется ровно,
 В руке не дрогнет пистолет..
 Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
 Вступил он в этот свет завистливый и душный
 Для сердца вольного и пламенных страстей?
 Зачем он руку дал клеветникам ничтожным?
 Зачем поверил он словам и ласкам ложным —
 Он, с юных лет постигнувший людей?..
 Они венец терновый,
 Увитый лаврами, надели на него,
 Но итлы тайные сурово
 Явили славное чело.

Впечатление от «приписки» увеличивается и «приемом непосредственного обращения к обвиняемым» («... вы, надменные потомки...»), приемом, применяемым ораторами древности («Речь о венке» Демосфена, «Первая речь против Катилины» Цицерона) и ораторами-поэтами нового времени (во Франции, например, Барбье, у нас — Некрасовым; ср. его стихи в «Размышлении у парадного подъезда», адресованные «владельцу роскошных палат»: «Ты, считающий жизнью завидную ушое-ние лествью бесстыдною» и т. д.).

Гибель великого русского поэта потрясла все существо Лермонтова; мотивы грозного негодования особенно резко звучат в его лирике после рокового 1837 г. «Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта — Лермонтова» (В. А. Соллогуб). Евг. Соловьев говорит по этому поводу: «Смерть Пушкина создала Лермонтова. К этому решающему факту прибавились и другие, и создалась поэзия романтическая, негодующая» (Евг. Соловьев-Андреевич — «Очерки по истории русской литературы XIX в.», СПб, 1902, стр. 81).

Следует, однако, не упускать из виду и того, что протестующие мотивы звучат в поэзии Лермонтова и в эпоху, предшествующую написанию им оды-сатиры «Смерть поэта».

«ЛЕС»

Кольцова

(ПОСВЯЩЕНО ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА)

- Что, дремучий лес,
 Призадумался?
 Грустью темною
 Затуманился?
 5. Что Бова-силач
 Заколдованный,
 С непокрытою
 Головой в бою,
 Ты стоишь — поник
 10. И не ратуешь
 С мимолетною
 Тучей-бурею.
 Густолиственный
 Твой зеленый шлем
 15. Буйный вихрь сорвал —
 И развеял в прах.
 Плащ упал к ногам
 И рассыпался...
 Ты стоишь — поник —
 20. И не ратуешь.
 Где ж девалася
 Речь высокая,
 Сила гордая,
 Доблесть царская?
 25. У тебя ль, было,
 В ночь безмолвную
 Заливная песнь
 Соловьиная..
 У тебя ль, было,
 30. Дни — роскошество,
 Друг и недруг твой
 Прохлаждаются..
 У тебя ль, было
 Поздно вечером
 35. Грозно с бурею
 Разговор пойдет;
 Распахнет она
 Тучу черную,
 Обоймет тебя
 40. Ветром-холодом.
 И ты молвишь ей
 Шумным голосом:
 «Вороти назад!»

Л В с а.

этого цитирует поэт в с. Пушкина

В

это друму гий мтов
 предаду. ислелв?
 зрлствн тбмкою
 дятуматилсб?

это Тодв - силн?
 Иа Калдо вл ннн?
 сѣ нѣ нл крл тлоу
 во лвоу² вѣ боу, -

твѣ стовшѣ - то ннкѣ
 и нл рл нл нл нл
 сѣ нл нл нл нл нл
 нл нл нл - нл нл нл.

зустолнствлннл
 нл нл нл нл нл нл
 нл нл нл нл нл нл
 нл нл нл нл нл нл

Черновой автограф А. В. Кольцова «Лес»

- Держи околом!»
45. Закружит она,
 Разыграется...
 Дрогнет грудь твоя,
 Запахается;
 Встрепенувшись,
 50. Разбушгуешься:
 Только свист крутом,
 Голоса и гул..
 Бура заплачется
 Лешим, ведьмою

55. И несет свои
Тучи за море.
Где ж теперь твоя
Мочь веленая?
Почернел ты весь,
60. Затуманился...
Одичал, замолк...
Только в непогоду
Воешь жалобу
На безвременье...
65. Так-то, темный лес
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.
Не осилили
70. Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.
Знать, во время сна,
К безоружному
75. Силы вражия
Понахлынули,
С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
80. А соломинкой!..

Кольцов преклонялся перед Пушкиным, и известие о безвременной кончине величайшего русского поэта потрясло Алексея Васильевича. В письме к А. А. Краевскому от 13 марта 1837 г. Кольцов высказал свои чувства: «Едва взойшло русское солнце, едва осветило широкую русскую землю... огня животворною силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармонией райских звуков; едва раздались волшебные песни родимого барда, соловья-пророка... Прострелено солнце, лицо помрачилось, безобразной глыбой ушло на землю! Кровь, хлынув потоком, дымилась долго, напоявая воздух святым вдохновеньем недожитой жизни. Любимцы искуства, глотайте тот воздух, где русского барда с последнею жизнью текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тот воздух, глотайте душою: та кровь драгоценна!» Уже в этом письме Кольцова глубокие переживания нашего поэта, помимо его желаний и совершенно для него незаметно, вылились в стихи. Приведенный нами отрывок из письма Кольцова можно расположить в виде таких стихов:

Прострелено солнце,
Лицо помрачилось,
Безобразной глыбой

Упало на землю!
 Кровь, хлынув потоком
 Дымилася долго,
 Наполняя воздух
 Святым вдохновеньем
 Недожитой жизни...
 Любимцы искусства,
 Глотайте тот воздух,
 Где русского барда
 С последнею жизнью
 Текла кровь на землю
 и т. д.

Отыскивая в природе образ, напоминающий роковую гибель великого человека, Кольцов остановился на осенней картине «умирания» леса. Голые деревья, колеблемые ветром, уже не шумят ответным шумом; не слышно песен в лесу: птицы давно покинули его; листья опали и, как мертвый прах, носятся по ветру. А каким был этот побежденный «богатырь-Бова» в недавнем прошлом! Не летняя гроза обожгла его «опнем-молнией», «дорезали» холодные беззвездные ночи, туманные зори, мелкий дождичек...

С богатырских плеч
 Сняли голову —
 Не большой горой,
 А соломинкой!

Великан поэзии и великан природы погибают от рати врагов, которые, не дерзая сразиться с богатырем в честном, открытом бою, подползают в темноте и наносят смертельный удар «безоружному».

Пушкин, потрясенный известием о смерти Байрона (19 апреля 1824 г.), сравнил его с морем:

Шумы, взволнуйся непогодой:
 Он был, о море, твой певец,
 Твой образ был на нем означен,
 Он духом создан был твоим:
 Как ты, могущ, глубок и мрачен,
 Как ты, ничем непобедим.

(«К морю», 1824).

Пушкин жил тогда как раз в Одессе, на берегу моря, и видел перед собой его «волны голубые» и «гордую красу». Английский поэт Шелли сравнил смерть выдающихся людей с падением скалы, венчавшей грозную горную вершину. Но Кольцов никогда не видел ни моря, ни гор: самое величественное в природе он связывал с лесом.

Построение стихотворения

I. Лес осенью.

- 1) Грусть леса;
- 2) его молчание;
- 3) опавшая листва.

II. Лес весной и летом.

- 1) «Сила гордая»:
 - а) зеленый шлем,
 - б) плащ,
 - в) «дни-роскошество».
- 2) «Доблесть леса»:
 - а) гостеприимство и великодушие («Друг и недруг твой прохладждются...»);
 - б) смелая борьба с врагом (с бурей).
- 3) «Речь высокая»:
 - а) в тихие ночи песни соловья;
 - б) в бурные — «свист. голоса и гул».

III. Лес осенью (возвращение к 1-й части, так называемое «повторение-напоминание»).

1. Вид леса — «почернел.. валуманился.. одичал, замолк..»
2. Молчание в тихую погоду и жалобный вой в ненастье (антитеза к «речи высокой», см. деление II, 3).

IV. Горе леса:

1. Победоносная борьба с сильными;
2. Гибель от слабых, ничтожных.

Объяснение слов и выражений

Стих 3. *Грустью темною*. В фольклоре: «Темна тоска на грудь дегла».

Стих 5. *Бова-силач*. Бова-силач — образ богатыря, перенесенный в русские повести из итальянской поэмы XVI в. В этих повестях Бова изображается могучим витязем; на голове у него шлем с косматым гребнем; на плечах — длинный плащ. Образ этот, очевидно, повлиял на кольцовское изображение леса в стих. 5—20.

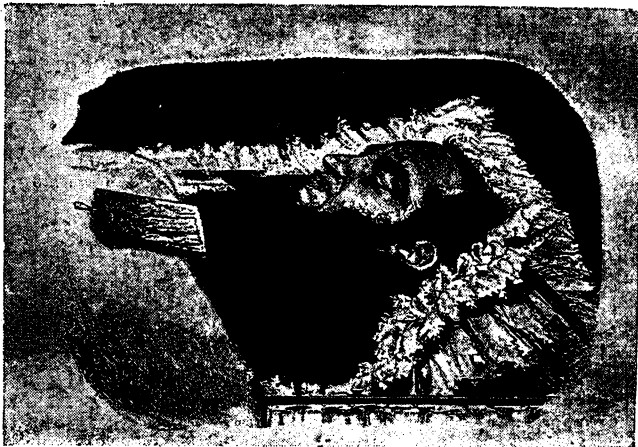
Стих 6. *Заколдованный*. Бова представляется в русских повестях недоступным для меча и стрел врага (вследствие особых «чар»). Эпитет этот встречается и у Гоголя (один из его рассказов называется «Заколдованное место» — в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», ч. II); у Лермонтова в «Пленном рыцаре»: «Щит мой от стрелы и меча *заколдован*»; у А. К. Толстого: «В темном бору *заколдованный* клад» и др.

Стих 10. *Не ратуюшь* — не воюешь. *Рать* — войско, *ратный* — военный, *ратник* — воин. Ср. старую поговорку (она была даже юридической формулой): «Мир стоит до *рати* (войны), а *рать* до мира».

Стих 11. *Мимолетная* — проносящаяся мимо (теперь употребляется

слово *мимолетный* в другом значении, а именно *быстро, без следа проходящий*).

Стих 12. *Туча-буря*. Обычно в фольклоре сопоставление двух почти однозначных слов. У Кольцова встречаются еще такие соединения слов:

Пушкин в гробу

По рисунку худож. *Бореля*

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА, съ душевнѣе прискорбѣнїе извѣщая о почившѣ супругѣ ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА, по случаю бывшей въ 29-й день сего Января, по вѣрнѣйше проситъ пожаловать въ отпѣванїю тѣла его въ Искіевскій Соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

ковыл-трава, радость-веселье, грусть-тоска, горечь-печаль, ум-разум, горе-нужда, друзья-товарищи, кручина-дума, утро-день, заря-вечер, путь-дорога, ветер-холод, гром-буря, дуга-радуга.

Стих 16. *Речь высокая* — возвышенная, величавая, торжественная. У Салтыкова-Щедрина: «Говоря *высоким* слогом», у Дельвига: «Нет, лиру *высоко* настроя, не в силах с музою моею я славить бранный лавр героя».

Стихи 25—28. *Соловей*. В письме Кольцова к Краевскому о смерти Пушкина читаем: «Едва раздался волшебные песни *соловья-пророка*...»

Стих 30. *Роскошество* — роскошь.

Стихи 33—56 описывают бурю в лесу. В стихах Кольцова часто упоминается *буря*. Кольцов относится к буре, не как романтики — Байрон или Лермонтов. Кольцов не скажет про себя:

О, я, как брат,
Обняться с бурей был бы рад.

(Лермонтов — «Мцыри»).

Это не лермонтовская «живая дружба меж бурным сердцем и грозой», а вызов и смертельная схватка.

(Ср. стихотворения Кольцова: «В поле ветер воет», «Измена суженой», «Дуют ветры, ветры буйные», «В непогоду ветер воет», «Дума сокола», «Бегство», «Перепутье», «Расступитесь, леса темные», «Как здоров да молод».)

Стих 40. *Ветром-холодом*. См. объяснение к стих. 12.

Стихи 43—44. *Вороти назад!*

Держи около! —

из окликов возчиков, сопровождающих повозки с кладью и встретившихся на узкой дороге. Кольцов во время своих бесконечных странствований по бывш. Воронежской губернии, должно быть, нередко наблюдал такие столкновения возчиков.

Стих 57. *Мочь зеленая* — лесная сила. Ср. у Некрасова:

«Зеленый шум, весенний шум».

Стих 58. *Непогодь* — непогода. Диалект. выражение. У Эртеля: «И темь и непогодь».

Стих 59. *Безвременье* — несчастье. Ср. поговорку «Время красит, безвременье старит».

Стих 60. *Маять битвами* — утомлять врагов битвами (диалект: *умаялся* — устал). Сам. Кольцов, пытавшийся вырваться из окружавшей его обстановки маленьких мещанских интересов, принужденный вести постоянную неослабную борьбу со своими родными — людьми грубыми и крайне корыстными, очень часто употреблял слова *битва*, *биться* не только в стихах, но и в своих письмах (например, «буду *биться* до конца краю»).

Стих 71. *Дорезала* — окончательно добила, уничтожила.

Стихи 79—80. Смысл: не грозным орудием победила, а ничтожным, презренным. Смерть витязя от недруга, подкравшегося ночью к «спящему», или «безоружному», или «припавшему к земле, над ручьем, и потому не видевшему подошедшего врага» — мотив многих сказаний (славянских, романских и германских). Ср. в «Песне о Нибелунгах», четверостишия 979—983, в XVI авентюре:

Студеный и прозрачный поток бежал журча...
Уж Зигфрид нидерландский склонился над ручьем,
Как Гаген, в крест наметясь, пустил в него кошем
Кровь брызнула из сердца на Гагена толпа.
Никто столь злого дела еще не делал никогда!

Смерть Пушкина потрясла не только Лермонтова и Кольцова. Известно, как поразило Гоголя, проживавшего тогда в Париже, известие о гибели великого русского поэта. Вот рассказ Гончарова о том, какое сильное впечатление произвела на него смерть Пушкина (Из книги А. Ф. Кони: «Воспоминания об И. А. Гончарове»):

«Пушкин был в это время для молодежи все: все ее упования, сокровенные чувства, чистейшие побуждения, все гармонические струны души, вся поэзия мыслей и ощущений, — все сводилось к нему, все исходило от него... Я помню известие о его кончине. Я был маленьким чиновником, «переводчиком» при министерстве внутренних дел. Работы было немного, и я для себя, без всяких целей писал, сочинял, переводил, изучая поэтов и эстетиков. Особенно интересовал Винкельман¹. Но надо всем господствовал он. И в моей скромной чиновничьей комнате, на полочке, на первом месте стояли его сочинения, где все было изучено, где всякая строчка была прочувствована, продумана... И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько, горько, не владея собой, отвернувшись к стене и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его нет, что Пушкина нет. Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я склонял мысленно колена, лежал без дыхания. Я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины... Нет, это неверно — о смерти матери. Да! Матери».

¹ Речь идет об известной книге И. И. Винкельмана «История искусства древности» (Первое издание на немецком языке вышло в 1763 г. Вновь проредактированный перевод на русский язык вышел в Ленинграде в 1933 г. (Исагиз).

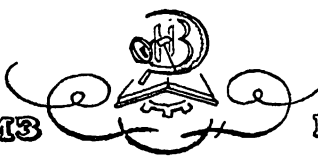
ЖУРНАЛ „РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ“

СТИЛЬ И ЯЗЫК
А. С. ПУШКИНА

(1837 - 1937)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. К. А. АЛАВЕРДОВА

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1 9 3 7